

патриотически настроенным феодалом Ле Льем, Вьетнам вновь обрел независимость.

В III томе «Очерка» Минь Чань завершает рассмотрение истории вьетнамского средневековья и переходит к новой истории. В главах I и II рассматривается внутреннее и внешнее положение Вьетнама в период подъема национальной экономики и культуры (XV—XVI вв.) В это время централизованная феодальная монархия получает свое окончательное оформление. Значительно расширилась территория Вьетнама, строились дворцы, пагоды, заметных успехов достигла национальная культура.

Экономическая политика императоров династии Ле, выражавшаяся прежде всего в так называемых «императорских пожалованиях» земель феодалам, привела к дальнейшему обнищанию крестьянства, с одной стороны, и возвышению отдельных феодальных семей,— с другой.

В главах III—VI тома III Минь Чань прослеживает процесс загнивания феодальной системы, сопровождавшийся длительными феодальными междоусобицами, которые в конечном счете привели к разделению страны на две части — северную, где хозяйничали феодалы Чинь, и южную во главе с Нгуэнами. Особое внимание автор уделяет антифеодальной борьбе крестьянства в XVI—XVIII вв., завершившейся в последней трети XVIII в. мощным движением тайшэнов (1771—1802). Очень интересна построенная на новом, ранее не известном материале последняя (IX) глава, где автор, вопреки общепринятому в западноевропейской литературе мнению о том, что первая половина XIX в. в истории Вьетнама была временем процветания и спокойствия, отмечает многочисленные восстания, направленные против новой династии Нгуэнов, которая предала национальные интересы Вьетнама и во имя сохранения своего господства пошла на стовор с французскими колонизаторами.

«Краткий очерк истории Вьетнама» проф. Минь Чаня представляет большой интерес не только как пособие, содержащее большое количество новых фактов и материалов. Этот труд ценен также и тем, что он знакомит читателя с общим состоянием исторической науки в Демократической Республике Вьетнам и с теми успехами, которых добились прогрессивные вьетнамские историки в изучении истории своей родины.

«Очерк» не лишен и некоторых недостатков. В ряде глав автор не всегда оправданно прибегает к повторениям, в результате чего не выдерживается хронологическая последовательность изложения. Отсутствие карт, схем и хронологических таблиц затрудняет усвоение «Очерка».

Указанные недостатки не могут умалить общей положительной оценки этой полезной книги. Следует надеяться, что Минь Чань продолжит работу над «Очерком» и завершит создание полной истории Вьетнама.

А. И. Мухлинов

Ph. Lippen s. *Expédition en Arabie Centrale*. Paris, 1956, XI + 214 стр.

В 1951—1952 гг. в центральной Аравии побывала бельгийская экспедиция, снаряженная за счет Национального фонда научных исследований. Участниками этой экспедиции были: крупный семитолог проф. Лувенского университета Г. Рикманс, его племянник, также востоковед, Ж. Рикманс и бельгийский офицер, наблюдавший ООН в Палестине Ф. Липпенс, который, оказавшись причастным к находкам древнееврейских текстов в конце 1940-х годов в районе Мертвого моря, заинтересовался восточными древностями.

Четвертым участником экспедиции был Гарри Сент-Джон Бриджер Филби, в Аравии более известный под именем Филби-бея или шейха Хадж Абдаллаха. Филби пользуется известностью как исследователь последнего белого пятна на географической карте Аравии — огромной пустыни Руб эль-Хали. Уже более тридцати лет Филби живет в Саудовской Аравии, где, выйдя в отставку и приняв мусульманство, занимается распространением автомобилей Форда.

Целью бельгийских ученых было изучение многочисленных наскальных надписей Неджрана — юго-западной части внутренней Аравии, непосредственно примыкающей к Йемену¹. Они имели все основания полагать, что высокая цивилизация минейцев, сабейцев и химьяритов не могла не оказать своего влияния на соседние области полуострова, через которые проходил великий караванный путь из «Счастливой Аравии» на побережье Средиземного моря. Целью Филби, по его собственным словам, было географическое изучение малоисследованных районов центральной Аравии.

Безызычно интересно отметить, что местное население, привыкшее остерегаться американских и европейских охотников за нефтью, отнеслось к экспедиции недоверчиво. «Когда мы объясняли местным арабам,— рассказывает Липпенс,— что явились в поисках надписей, позволяющих изучить историю их предков, они вежливо выражали

¹ О неджранских надписях сообщал еще французский ученый Ж. Галеви, побывавший здесь в 1870 г.

свое недоверие. Большинство полагало, что мы ищем упоминания о скрытом сокровище — золоте или, вернее, нефти» (стр. 74).

Рецензируемая книга — не научный отчет, публикация которого является делом Гонзага и Жака Рикмансов, а полубеллетристический рассказ младшего участника экспедиции — Ф. Липпенса о его трехмесячном пребывании в Саудовской Аравии. Здесь много заметок археологического и эпиграфического характера: описания древних руин, в частности раскинувшегося на большой площади мертвого города Уклад в Неджране и остатков сабейской цивилизации в Руб эль-Хали, фотографии наскальных рисунков и около двенадцати тысяч древнеарабских надписей, собранных экспедицией. Но немало места в книге занимают и живые зарисовки арабского быта. Поэтому для этнографа она представляет почти такой же интерес, как и для археолога.

Автор рассказывает о мекканском хадже, обычаях, связанных с приемом гостей и питьем кофе, о распространенных в Асире типах жилищ, одежде, украшениях, татуировке женщин. С любопытными подробностями описывается столица Асира город Абха. Не лишены интереса заметки о «низших» племенах хитайм и сулубба, большинство членов которых, не имея земли и скота, занимается охотой, ремесленной деятельностью и другими видами обслуживания своих соседей-кочевников; сообщение Липпенса показывает, что положение этих племен, не раз подробно описанное в старой литературе, не изменилось и в наши дни.

Автор сообщает некоторые сведения о населении Неджрана. Этот оазис — экономический и политический центр племени бени-ям, однако здешний королевский наместник — эмир должен принадлежать к другому племени. Население (около 8 тыс. чел.) выращивает финиковую пальму, ячмень, овощи, разводит аравийскую породу крупного рогатого скота — разновидность зебу. Есть ремесленники, занимающиеся изготовлением тканей, обуви кинжалов в затейливо украшенных ножнах. Тип построек (многоэтажные, суживающиеся кверху башнеобразные дома), употребление гишра (напитка из шелухи кофе, а не из его зерен), характерные кривые кинжалы и некоторые другие особенности культуры с очевидностью свидетельствуют о древних связях оазиса Неджран с юго-западной Аравией.

Ценны короткие заметки о племенах кахтан, давасир и атайба, населяющих наименее изученные в этнографическом отношении области центральной Аравии. В книге приведены их племенные тамги (васмы), есть фотографии мужчин и женщин в традиционной одежде. Как и повсюду в Саудовской Аравии, здесь очень сильна тяга кочевников к оседанию. Липпенс видел пять молодых пальм, выращенных бедуинами атайба у вырытого ими колодца. «Это выглядело не слишком роскошно, — говорит автор, — но слабая попытка оседания почти трогательна» (стр. 184).

Но что более всего привлекает внимание в книге Липпенса — это заметки о современных явлениях в быту населения Саудовской Аравии. В существующей литературе, как правило, акцентирующей внимание на «традиционных» сторонах культуры и быта, такие материалы исключительно редки. Даже в наиболее глухих районах полуострова, рассказывает Липпенс, кочевники теперь знакомы не только с керосиновой лампой и фабричными тканями, но и с европейской одеждой. Однако последняя не является здесь признаком материального благосостояния: «...бедуины быстро расстаются со своими традиционными абайе (плащ из верблюжьей шерсти.— А. П.) и покупают поношенное европейское платье» (стр. 175).

Экспедиция посетила несколько хиджр — ваххабитских земледельческих колоний, большинство которых было основано лет 30 назад королем Абдульазизом ибн-Саудом. Хиджры всегда считались цитаделью консерватизма, но у Липпенса создалось впечатление, что сегодня «влияние Запада» приводит к падению старых ваххабитских нравов, как и вообще к «разрушению культуры и обычаев» на полуострове (стр. 188).

Столкновение новой и старой культуры особенно заметно в столице страны — Рияде. «В центре Аравии моторы заступают место скрипящих норий (водоподъемные сооружения.— А. П.), автомобили — верблюдов, дворцы — палаток, электричество — отблесков очага» (стр. 209). Это столкновение порой принимает очень своеобразные формы: так же, как и в ваххабитском государстве XVIII в., любой прибывший в столицу иностранец считается гостем дворца, но обслуживает гостей теперь метрдотель, переманенный из лучшего ресторана Нью-Йорка — «Вальдорф-Асторин». А главное — усвоение элементов новой культуры пока еще носит весьма специфический характер: электричество в Рияде подключено только избранным — лицам королевской фамилии, крупнейшим сановникам государства и т. п.

Несмотря на подчеркнутую аполитичность тона книги, автор ее явно не сочувствует наступлению «западной цивилизации» на арабскую культуру полуострова. Заметно теплее рассказывает он о другой области культурного развития, в которой сказываются связи Саудовской Аравии с передовыми арабскими странами — Египтом и Сирией. В Асире, на улицах Абхи, Липпенс видел множество мальчиков и девочек, возвращавшихся домой из школы. «С этим поколением, — отмечает он, — число неграмотных сильно уменьшится. И это благодаря сирийским, палестинским, египетским учителям, которые занимаются обучением в этой стране» (стр. 47—48).

И действительно, ростки прогрессивной культуры, пробивающиеся в Саудовской Аравии, обязаны своим развитием прежде всего дружбе и сотрудничеству братских народов Арабского Востока.

А. Першиц